

XIX-XX

[Stable URL: <http://elar.uni-yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/825>]

[. . . 2002: . XII, 138-150.]

XIX-XX

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »

THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

В. В. ДЕМЕНТЬЕВА (Ярославль)

ИЗУЧЕНИЕ В АНТИКОВЕДЕНИИ XIX–XX вв. РИМСКОГО ДЕЦЕМВИРАТА КАК ВЫСШЕЙ МАГИСТРАТУРЫ

Важнейшей вехой на пути становления Римской Республики, выработки и закрепления правовых основ взаимоотношений членов полисного коллектива между собой и с публичной властью, оформления принципов государственности явилась деятельность особой коллегии — *decemviri consulari imperio legibus scribundis*, как она названа в консульских фастах (*CIL. Vol. 1. P. 16*). Несомненно, что кратковременное, но оставившее глубокий след во всех сферах жизни римской общины функционирование комиссии десяти мужей было рубежным событием, ознаменовавшим окончание первой шестидесятилетней фазы существования Республики. Не случайно Полибий относил возникновение совершенного римского государственного устройства ко времени, которое обозначил как тридцатилетие спустя после похода Ксеркса на Грецию (*Polyb. VI. 11. 1*), то есть собственно к моменту деятельности коллегии децемвиров.

Античные авторы, называя данных магистратов, постоянно подчеркивают два момента: наделение их высшей властью и составление ими письменного законодательства. Если в латинских текстах это нередко заключено в единую титулатуру, передаваемую словосочетанием (как в приведенном примере капитолийских фаств), то в греческих — в двух вариантах, отражающих отдельно каждый из названных аспектов. Первый из них, имеющий смысл «полновластная коллегия высших магистратов» обычно обозначен как *δεκάδραχία* (*Dionys. X. 57. 3; Plut. Quest Rom. 55 (277); Plut. Sic. XII*) или *στρατηγῶν αὐτοκράτορες* (*Zon. VII. 18*). Второй, подчеркивающий составление и запись законов, — терминами *ὀνόμογραφοί* (*Diod. XII. 23. 1; XII. 25. 1*), *ὀνόμοθεταί* (*Dionys. X. 57. 1; Diod. XII. 24. 1; Ioan. Lyd. De mag. I. 45*). Оба названных аспекта децемвирата, естественно, представляют серьезный интерес для исследователей, но в историографии заметно больше внимания уделено второму, причем не деятельности децемвиров по систематизации права, а ее результату, то есть непосредственно законам XII таблиц. Нас же интересует, прежде всего, характеристика в историографии децемвиров как особой магистратуры и процесса их законотворческой работы, а не содержания составленного ими судебного кодекса. Поэтому, отвлекаясь от комплекса исследований, посвященных собственно анализу законов XII таблиц, представим в кратком историографическом обзоре только ту литературу, в которой децемвират рассматривался как структура государственной власти, и исследовалась практическая реализация децемвирами своих полномочий. При этом мы в данном случае оставим в стороне дискуссионную проблему причин возникновения и целевого назначения децемвирата, поскольку ей следует посвятить отдельную статью.

Начало XIX в., отмеченное становлением подлинно научной романистики, дало миру серьезные труды Бартольда Нибура¹, Вильгельма Беккера² и Георга Пухты³. Б. Нибур, «основатель современной исторической науки»⁴, первым предпринял попытку концептуального осмысления децемвирата, предложив теорию его ординарного характера, а В. Беккер был первым, кто не согласился с такой гипотезой. Б. Нибур затрагивал вопросы сословного состава коллегии децемвиров, порядка чередования членов первого децемвирата при исполнении обязанностей высшей власти, целей законодательной работы, своеобразно подходил он к определению заимствований децемвирами греческого права. Г. Пухту из комплекса проблем, связанных с децемвиратом, интересовал, в первую очередь, вопрос о целях и результатах законодательной деятельности децемвиров. В. Беккер обращал внимание на сюжет отправки

посольства в Афины за греческими законами, а также на политико-правовые нормы, регулировавшие деятельность децемвиров.

Немецкая историческая наука, олицетворявшая антиковедение XIX в., определила во второй его половине главные направления в изучении римской государственности, разрабатывавшиеся в трудах Теодора Моммзена и талантливых его современников. В плане исследования децемвирата из основополагающих трудов этого поколения немецких ученых выделим исследование самого гениального мастера⁵, для которого среди римских институтов главное значение имела магистратура, изучая которую он, по выражению Альфреда Хойса, находил подтверждение своему методическому лейтмотиву, что через анализ и объединение общих отличительных черт достигается установление внутренних связей и построение системы⁶. Т. Моммзен рассматривал децемвират как крупный успех плебеев, третий по счету после установления Республики и создания плебейского трибуната. Он отнес децемвират к чрезвычайным органам власти (хотя и не аргументировал это положение), провел датировку правления децемвиров, проанализировал некоторые правовые основы их деятельности, а самое главное, «вписал» эту магистратуру в общую схему политической системы Рима (разумеется, исходя из собственных представлений о ее развитии). Некоторые его выводы по изучаемой проблеме мы безоговорочно принимаем (например, трактовку соотношения права провокации и конституционных норм функционирования децемвирата), с другими категорически не согласны (в частности, с положением об отсутствии определенного срока, на который избирались децемвиры), но подчеркиваем заслугу Т. Моммзена в том, что именно он, хотя и кратко, но целостно охарактеризовал децемвират как особый исторический феномен.

А. Шwegлер и Л. Ланге, также создавшие обобщающие труды по римской истории, дали описание событий, связанных с децемвирами, и затронули важные стороны использования их должности в политической практике⁷. Оба они стремились найти аналоги децемвирата в римском государственном устройстве (по-разному их видя), но если А. Шwegлер в главных характеристиках децемвирата следовал, в основном, Б. Нибуру (в силу хронологической близости к нему), то Л. Ланге — Т. Моммзену. Вместе с тем, они в своих трактовках этого объекта изучения отличались в ряде позиций от точек зрения «генераторов идей», во многом определивших их исследовательские подходы.

В 80-е гг. XIX в. были опубликованы такие заметные труды по римской конституции и государственному праву (включавшие рассмотрение децемвирата), как сочинения Иоганна Мадвига⁸, Эрнста Херцога⁹, Отто Карлова¹⁰, В. И. Герье.¹¹ И. Мадвиг затрагивал порядок избрания децемвиров, пропорции сословного представительства в обеих коллегиях, развивал идею Б. Нибура об объединении в децемвирате консулата и плебейского трибуната. Э. Херцог также писал о способе заполнения вакантных мест в магистратуре децемвиров, ее сословном составе (иначе, чем И. Мадвиг, определяя соотношение патрициев и плебеев), принципе коллегиальности, этапах и времени составления законодательства децемвиров. О. Карлова весьма тонко охарактеризовал целевое назначение коллегий десяти мужей, — его исследовательская позиция была на стыке теории, отводившей роль главной причины, вызвавшей к жизни децемвират, составлению законодательства и концепции, усматривавшей эту причину в необходимости реорганизации государственного управления. О. Карлова останавливался также на результатах деятельности децемвиров и последствиях их отставки. И. В. Герье защищал, так же как и И. Мадвиг, концепцию децемвирата Б. Нибура, находя для нее дополнительные аргументы; кроме того, он трактовал свержение децемвиров как результат деятельности составивших коалицию патрициев и плебеев-консерваторов, стремившихся восстановить прежние магистратуры.

Из общих работ 90-х гг. XIX в., в которых содержались исследовательские оценки отдельных сторон децемвирата, назовем монографии Вильгельма Ине¹² и И. В. Нетушила¹³. Оба автора усматривали прямую связь между рогацией Терентилия Гарсы

462 г. до н.э. и децемвиратом, оба проводили различия между первой и второй коллегиями и останавливались на значении участия плебеев во второй (не одинаково его трактуя).

В первой трети XX в. с развитием гиперкритики античной традиции в обобщающих исследованиях по истории Рима и его государственно-правовых отношений отчетливо проявляется тенденция отрицания достоверности многих сведений источников о децемвирах, в первую очередь, о наличии двух их коллегий¹⁴. К середине века она отступит, но полностью не исчезнет из литературы, периодически напоминая о себе и даже несколько усилившись в историографии конца столетия.

В целом же, в числе обзорных работ, изданных в XX в., затрагивающих децемвират, но не отдающих ему значительного места (о тех, которые это делают, скажем отдельно), следует в нашем кратком историографическом обзоре упомянуть книги Кристера Ханелля¹⁵, Курта фон Фритца¹⁶, Йозефа Фогта¹⁷, Эрнста Корнеманна¹⁸, Франческо Де Мартино¹⁹, Фрэнка Эббота²⁰, А. Джонса²¹, Йохена Бляйкена²², Ханса Фолькманна²³, Марио Бретоне²⁴.

Ценную информацию, полученную на основе обработки источников и учета историографических достижений содержат солидные справочные издания: составленный Т. Броутоном по хронологическому принципу перечень римских магистратов²⁵, включающий участников обеих коллегий децемвиров в авторской реконструкции; комментарии Р. Огилви к тексту Ливия, в том числе и к интересующей нас в данном случае третьей книге его труда²⁶, словарь Х. Мейсона, в котором приведена греческая терминология для обозначения римских политических институтов²⁷.

Ряд работ, посвященных исследованию законов XII таблиц, в некоторой степени (обычно незначительной) характеризуют коллегии составивших их магистратов. Среди них представляют интерес для изучения нашей темы, в первую очередь, публикации Моритца Фойгта²⁸, Эдуарда Ламбера²⁹, Алана Ватсона³⁰, Петера Зиверта³¹, Андре Магделена³², Г. Грифо³³, Рудольфа Дюлля³⁴, Йозефа Дельца³⁵, Эберхарда Рушенбуша³⁶, Г. Киулея³⁷, Франца Виаккера³⁸, Федерико Де Ипполито³⁹.

Собственно, именно в работах, анализирующих законы XII таблиц, было положено начало специальному исследовательскому вниманию к коллегиям децемвиров. Поэтому отдельно остановимся на монографии Б. В. Никольского, изданной в конце XIX в.⁴⁰ и являющей собой наиболее яркое выражение одного из имеющихся направлений в толковании децемвирата. Б. В. Никольский представил в своем историко-юридическом исследовании очерк децемвирата, написанный исходя из гиперкритического отношения к античной традиции. Категорически отрицая существование второй коллегии десяти законодателей, он полагал, что бессрочность полномочий децемвиров превратилась у древних историков в представление о чрезвычайности власти, о задержке магистратов в должности и их злоупотреблениях. Имена вторых децемвиров Б. В. Никольский считал вымышленными, соответственно не признавал историчными упоминания в источниках о их деятельности, в том числе о составлении двух таблиц и реформе календаря. Не усматривая греческого влияния на законы XII таблиц, русский ученый относил информацию античных авторов о посольстве в греческие города к более позднему времени, находя в описаниях традиции смешение истории децемвирата с историей воздвижения медного памятника с текстом законов (поставленного по инициативе плебеев), имевшей место, на его взгляд, более века спустя. Гипотеза Б. В. Никольского стала вскоре известна в зарубежной историографии, поскольку реферат его книги был опубликован уже в 1898 г. в журнале «*Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*»⁴¹. Она вызвала несогласие и критику, но в главной, по нашему мнению, своей части (отрицание реальности вторых децемвиров) нашла, тем не менее, последователей, исходивших, правда, нередко из других посылок и приводивших иные аргументы.

Не согласился с историческими оценками децемвирата, данными Б. В. Никольским, автор первой специальной статьи, написанной по заказу издателей энциклопед-

дни Паули-Виссова, Б. Кюблер⁴². Как и практически все другие очерки этого издания, статья Б. Кюблера при небольшом объеме отличается концентрированной подачей материала при весьма глубоком знании автором достижений историографии и свидетельств источников. Признавая достоверность данных античной традиции о децемвирате и опираясь на них, Б. Кюблер считал исторически реальными обе коллегии децемвиров, причем во второй находил представительство плебеев, рассматривая это их крупным политическим достижением. Он писал также о временном приостановлении полномочий всех других магистратов, характеризовал власть децемвиров как консульскую. Б. Кюблер останавливался на связи децемвирата с законодательным предложением Терентилия Гарсы, а также на различиях в показаниях источников о целях введения новой должности. В целом, Б. Кюблер смог в сжатом виде сформулировать главные результаты исторического анализа коллегии децемвиров, полученные в общих трудах по римской истории и публичному праву к началу XX в.

Оригинальный подход к изложению истории децемвирата предложил Вильгельм Зольтау, опубликовавший в 1917 г. статью «Децемвират в сказании и истории»⁴³, в которой он своеобразно оценил достоверность информации источников по теме. В. Зольтау не отрицал историчности сведений о факте существования второй коллегии децемвиров, но считал ложными свидетельства об ее отстранении от власти посредством протеста плебейских масс. По мнению В. Зольтау, изображение в источниках конституционной борьбы середины V в. до н.э. дано в соответствии с образом мыслей «партийных» людей I в. до н.э. В действительности же, отмечал историк, конституционное реформирование, проведенное децемвирами, было направлено на удовлетворение желания плебеев. При них, на его взгляд, число трибунов было повышено до десяти, а *concilia plebis* получили статус органа государственной власти. Подчеркивая значение деятельности децемвиров для предоставления плебеем гражданско-процессуальных и политических прав, В. Зольтау пришел к выводу о том, что они стремились наделить плебейских трибунов и эдилов государственными функциями. Законы Валерия — Горация и ряд последующих установлений он рассматривал как предусмотренные децемвирами; в том числе ими, на его взгляд, было запланировано введение цензорской должности. Поэтому, по мысли В. Зольтау, плебеи не могли предпринять сецессию против децемвиров, — они организовали ее на защиту XII таблиц от посягательства патрициев. Именно вожди патрицианской знати под руководством *pontifex maximus*, утверждал В. Зольтау, принуждали децемвиров к отставке, но затем понтифики при написании истории «партийным образом» фальсифицировали действительные события. Даже легенда о Вергинии, с точки зрения В. Зольтау, являлась не древним народным сказанием, а намеренно выдуманным мифом. Понтифики, в соответствии с такой трактовкой немецкого ученого, потому оклеветали вторых децемвиров, что те «через разумную государственную реформу угрожали разрушить здание древнего жреческого государства»⁴⁴. К тому же, добавлял В. Зольтау, римские аристократы хотели избавиться себя от упреков в противодействии реформам, и из-за этого сделали в традиции виновными во всем вторых децемвиров. Таким образом, В. Зольтау по-своему классифицировал информацию источников на достоверную и недостоверную, во многом произвольно проводя разделительную линию между ними.

Следующей специальной работой стало сочинение Э. Тойблера «Исследования к истории децемвирата и XII таблиц»⁴⁵. Хорошо известный и авторитетный ученый весьма осторожно обращался со сведениями источников и, как отмечал в посвященной ему статье Альфред Хойс (другой знаменитый немецкий антиковед XX в.), при их малочисленности был очень сдержан в компенсировании недостающей информации собственными измышлениями⁴⁶. Тщательным образом вычлняя хронологические пласты античной традиции о децемвирах, он сделал много глубоких наблюдений над текстами римских и греческих авторов. Э. Тойблер пришел к выводу об

отнесении свидетельств Диодора и Цицерона к более древнему пласту традиции, Дионисия и Ливия — к позднему; Помпоний, по его мнению, стоял ближе к древней ступени, а Зонара — к младшим анналистам. Всего же выделив четыре ступени традиции о децемвирах, он обозначил их следующим образом: первая — Фабий и Диодор (еще сильно связанная с сухой формой хроники понтификов), вторая — после Фабия до Полибия и Цицерона, третья, гракханская — Помпоний и Зонара, четвертая, сулланская — Дионисий и Ливий⁴⁷. Сделав много нетривиальных историко-ведческих наблюдений, Э. Тойблер пришел к выводу (который, как нам кажется, прямо и не следовал из проанализированного им материала) о том, что «разделение таблиц на 10 и 2 и соответствующее удвоение децемвирата есть фальсификация»⁴⁸. Появление этой фальсификации он трактовал необходимостью для античных авторов объяснить, почему в последних таблицах проявилась враждебная народу тенденция (запрет браков между патрициями и плебеями). В отличие от В. Зольтау (хотя прямо с ним и не полемизируя), Э. Тойблер отрицал цель деятельности децемвиров как достижение сословного равенства, считая это следом младшей традиции. Он отказался от признания возможности участия плебеев в коллегиях децемвиров, полагая, что плебейские роды в более позднее время «из сословного тщеславия» в списки патрицианских магистратов V в. до н.э. привнесли имена якобы высших должностных из своей среды⁴⁹. Задаваясь вопросом, «когда и кем был выдуман второй децемвират»⁵⁰, Э. Тойблер отвечал на него так: между 300 и 200 гг. до н.э., вероятно в кругах понтификов. Таким образом, он, стоя на диаметрально противоположных В. Зольтау позициях в характеристике деятельности децемвиров и сути фальсификации в отображении ее античной традицией, смыкался с ним в отнесении к понтификам искажений исторических реалий децемвирата. Еще более любопытно, что на основе иных умозаключений Э. Тойблер повторил вывод Б. В. Никольского о неисторичности второй коллегии децемвиров, хотя весьма невысоко в целом оценил концепцию русского исследователя, считая ее необоснованной (не разделяя, в частности, интерпретаций сведений об афинском посольстве, о Гермодоре, о бессрочности полномочий децемвиров)⁵¹. Фактически же Э. Тойблер продолжил ту линию в изучении децемвирата, которая развилась на базе гиперкритического подхода к античной традиции и впервые четко была высказана в книге Б. В. Никольского, — именно вывод о недостоверности сведений о существовании второго децемвирата следует считать ее главным положением. С момента своего появления это направление в исследовании децемвирата стало противоположным основанному в немецком антиковедении еще в первой трети XIX в. и признающему, в целом, адекватность отражения в традиции исторических реалий, связанных с коллегией десяти законодателей (при всех существенных различиях в гипотезах в рамках каждого из них).

Через полвека после выхода в свет исследования Э. Тойблера была опубликована статья, также посвященная непосредственно децемвирату (на сей раз в итальянской историографии), принадлежащая Габриэле Пома⁵². Г. Пома не ставила перед собой целью всестороннее освещение децемвирата, — в ее задачу входило лишь рассмотреть оценки его Цицероном в трактате «О государстве». Тем не менее, проводя сравнительный анализ, Г. Пома сопоставляла трактовку Цицероном магистратуры десяти законодателей со сведениями Диодора, Дионисия, Ливия, что позволило ей вполне определенно показать, в отличие от Э. Тойблера, общность важных характеристик децемвирата в интерпретации Цицерона, с одной стороны, и Ливия и Дионисия, с другой. Подробно «становилась Г. Пома на влиянии теории Полибия о смешанном государственном устройстве на учение Цицерона, который (так же, как и его греческий предшественник) видел реализованным это устройство в римской истории. При этом она отмечала, что Цицерон относил существование смешанного устройства к периоду до гракханского времени, а эпоху, открытую децемвиратом, связывал с его становлением. В целом же, Г. Пома не разрабатывала собственную концепцию децемвирата, ограничиваясь сравнительно узким вопросом, избранным для анализа.

Если мы бросим общий взгляд на историографию децемвирата, то перед нами предстанет не вполне обычная картина. Изучение других римских чрезвычайных магистратур развивалось по приблизительно общей схеме, включавшей следующие элементы. В XIX в. первоначально им уделялось внимание в обобщающих трудах, в которых были намечены вопросы для последующего исследования, затем, в середине или второй половине XIX в. появились специальные работы, количество и уровень которых возросли в XX в. Именно специальные труды (в подавляющем большинстве статейного характера числом около десятка-полутора по каждой из чрезвычайных должностей) определили в этом веке развитие концептуального осмысления таких структур как интеррегнум, диктатура, консульский трибунал. Обобщающие труды по римской истории и государственному праву, главным образом, либо систематизировали (в лучшем случае) результаты специального анализа, либо использовали какую-либо одну из имеющихся концепций в трактовке отдельных магистратур. В историографии же децемвирата как высшей магистратуры заметен явный дефицит специальных исследований (вероятно, законы XII таблиц поглотили основное внимание антиковедов, изучающих середину V в. до н.э.) и, наоборот, больше внимания к самостоятельному теоретическому осмыслению предмета у авторов общих работ по Римской Республике или отдельных значительных сфер ее жизни. Поэтому мы выделим в особую группу такие работы общего плана, опубликованные в XX в., учитывая, что исследовательская мысль в отношении децемвирата во многом не стояла на месте благодаря им.

Первым в этом ряду мы должны назвать параграф, написанный Карлом Нойманном для «Всемирной истории», изданной И. фон Пфлугк-Харттунгом в начале XX в.⁵³ К. Нойманн не был оригинален в отрицании историчности второго децемвирата, но он предложил собственную трактовку информации источников о двух коллегиях децемвиров. Сообщения античной традиции о двухлетнем руководстве децемвирами Аппием Клавдием и их насильном свержении на третьем году К. Нойманн счел плагиатом греческой истории об афинском архонте Дамасисе, который удерживал высшую власть в течение двух лет, 583 и 582 гг. до н.э., и на третьем году был силой от нее отстранен. Предположение об участии плебеев в децемвирате К. Нойманн расценивал как имеющее слабые основания, но историчность Аппия Клавдия не подвергал сомнению, полагая, что не следует рассматривать его как дублет цензора Аппия Клавдия, поскольку политические тенденции, представляемые этими фигурами, диаметрально противоположны.

Все остальные труды общего характера, в которых децемвират как магистратура освещался не мимоходом, а в той или иной степени в самостоятельной авторской трактовке, относятся ко второй половине XX в. Среди них следует непременно назвать труд Роберта Вернера⁵⁴, в котором немецкий исследователь, продолжая линию отрицания историчности второго децемвирата, предложил собственный вариант реконструкции персонального состава единственной, на его взгляд, коллегии десяти законодателей.

Свои соображения по поводу децемвирата высказал в рамках написанного им общего труда Жак Эргон⁵⁵, допускавший реальность существования двух призывов децемвиров, хотя и отмечавший, что «летописцы видели историческую традицию через политические очки их собственного дня»⁵⁶. Появление коллегии децемвиров Ж. Эргон рассматривал как результат стремления патрициев удержать плебеев от консулата. Не считая достоверным рассказ источников об афинском посольстве, Ж. Эргон находил участие в составлении децемвирального законодательства Гермодора и своеобразно трактовал цель записи римских законов. Он, в отличие от других историков, насчитывал шесть плебейских представителей во втором децемвирате и по-своему определял способ легитимизации письменно зафиксированных децемвирами норм.

Характеристику магистратуры децемвиров, имеющую отпечаток некоторого своеобразия, дал в своем обобщающем труде по эволюции римского государства Эндре Ференци⁵⁷. Отмечая, что описания децемвирата в источниках испытывают недостаток исторической подлинности, венгерский исследователь, тем не менее, не отрицал полностью сведений о втором децемвирате. Миссия коллегий децемвиров, на взгляд Э. Ференци, заключалась в подведении законодательной базы под существование римского государства с тем, чтобы дать уступки плебеям, но сохранить в нем лидерство патрициев. При этом Э. Ференци полагал, что децемвиры улучшили положение плебеев не только в области частного права, но и дали им политические права, что, в конечном счете, привело к снижению влияния патрициев и их учреждений в государственной системе Рима.

Из общих работ последнего десятилетия XX в., выделим как содержащие определенный теоретический анализ децемвирата монографии Д. Флаха⁵⁸ и Т. Корнелла⁵⁹. Дитер Флах, придерживаясь линии скептического отношения к сообщениям античной традиции о децемвирате, пишет, что «взятый в общих рамках рассказ будит уже потому недоверие, поскольку он на основном заблуждении построен, будто Рим перед временем XII таблиц знал широко консулов и диктаторов»⁶⁰. Децемвиры не могли, продолжает далее Д. Флах, ни консулов сменить, ни консульские полномочия иметь⁶¹. Это утверждение и основанное на нем недоверие к источникам базируется на его представлении, что до децемвиров во главе Республики стоял единственный магистрат — диктатор⁶². Упоминания о консулах, по мнению Д. Флаха, и свидетельствуют о недостоверности традиции о децемвирате. Однако каких бы магистратов не считать высшими должностными лицами первых шестидесяти лет Республики, следует принять, что древние писатели называли их нередко консулами, а, следовательно, по меньшей мере странно отметить на этом основании всю их информацию об организации управления государством, в том числе и времени децемвиров. Не усматривая надежной основы в показаниях источников о греческом влиянии на законодательство децемвиров, Д. Флах склоняется к тому, что они «главным образом или даже исключительно позднеэтруское и раннеримское обычное право осмысливали и записывали»⁶³. Вместе с тем, при всем негативном отношении к информации источников, Д. Флах прямо нигде не пишет о неисторичности второй коллегии децемвиров, хотя отвергает возможность присутствия среди законодателей представителей плебейских родов.

Т. Корнелла также отличает нечеткость исследовательской позиции во взглядах на децемвират, проявляющаяся несколько по-иному. Замечая, что многие части рассказа о децемвирате вторичны, похожи на явный роман и, конечно, фиктивны (возможно, из-за враждебности к Клавдиям позднеереспубликанской исторической традиции), он считает, что второй децемвират может быть фиктивным, но может таковым и не быть. Для того, чтобы его можно было признать фиктивным, подчеркивает Т. Корнелл, необходимо нечто более убедительное, чем наблюдение о неисторичности плебейских имен среди его участников⁶⁴. Еще более неопределенна позиция английского историка по вопросу о целях введения децемвирата в римскую конституцию. Полагая, что уязвимы все имеющиеся в историографии точки зрения, он не предложил собственного позитивного решения проблемы.

Раздел монографии Т. Корнелла о децемвирате, так же как и соответствующий параграф книги Д. Флаха, во многом отражают положение, сложившееся в историографии к концу XX в., — явную нехватку современной исторической реконструкции магистратуры децемвиров, построения ее модели с учетом новейших достижений в изучении римской государственности раннереспубликанского времени. При отсутствии новых специальных работ по децемвирату авторы обобщающих трудов вынуждены или реанимировать гиперкритику античной традиции о его истории, или оставлять многие вопросы без всякого относительно приемлемого ответа.

В современном отечественном антиковедении имеются отдельные работы, затра-

гивающие децемвират. В монографии И. Л. Маяк признается историчность двух коллегий децемвиров, достоверность сведений о тираническом правлении второй, отмечается чрезвычайный характер данной магистратуры, упоминается связь децемвирата с рогацией Терентилия Гарсы, дается портрет Аппия Клавдия как одиозной фигуры⁶⁵.

К комиссии децемвиров неоднократно обращался в своих исследованиях Л. Л. Кофанов. О ней он кратко говорит в связи с составлением XII таблиц⁶⁶, затрагивая вопросы о греческом влиянии на децемвиральное законодательство и значении деятельности коллегии десяти для социальных отношений. В другой статье Л. Л. Кофанов проанализировал информацию античной традиции о ранних римских законах, сделав вывод о достаточной ее надежности, поскольку авторы эпохи империи основывались «не на легендах и устных преданиях, а непосредственно на архаических записях законов»⁶⁷. Этот вывод о достоверности, в целом, информации источников о содержании законов вполне допустимо распространить и на сведения традиции о процессе их составления. В статье, сопутствующей изданию текста законов XII таблиц и сделанного им перевода, Л. Л. Кофанов обосновывает утверждение о том, что законодательство децемвиров не было лишь кодексом частного права, оно включало в себя публичные и сакральные нормы⁶⁸. Тем самым Л. Л. Кофанов поддерживает точку зрения, согласно которой целью деятельности децемвиров было не только и не столько установление равенства сословий в сфере действия частного права, но и ограничение возможностей патрицианской правившей элиты в области публичного права⁶⁹.

О. В. Сидорович касается децемвирата при выяснении характера конституционных изменений в период ранней Республики и при анализе теорий смешанного государственного устройства Полибия и Цицерона⁷⁰, весьма приближаясь в данном случае в выборе ракурса изучения к статье Г. Пома (хотя и никак не отзываясь о результатах исследования своей предшественницы). Сделав несколько замечаний о составе коллегии децемвиров и найдя, что во второй шест человек принадлежали к родам, ранее не занимавшим высшую магистратуру, О. В. Сидорович пришла к утверждению об обвинении децемвиров со стороны «аристократической редакции анналистической традиции» в демагогии. Она сделала вывод, что «подлинными инициаторами свержения децемвиров были не плебеи, как это изображено в традиции, а те армейские командиры, которые прочно укрепились у власти в первое республиканское пятидесятилетие»⁷¹. Следовательно, признавая историчность вторых децемвиров, но не считая достоверными сведения традиций об отстранении их от власти, О. В. Сидорович, по существу, встает на точку зрения В. Зольтау, хотя и не упоминает его детальную разработку данной гипотезы. О характере децемвирата О. В. Сидорович замечает, что «по всей видимости, новая магистратура была задумана не как экстраординарная»⁷².

Некоторое внимание децемвирату уделила в своей кандидатской диссертации и опубликованном по ее тексту учебном пособии Н. В. Чеканова⁷³. Она отмечает, что «децемвират был порожден борьбой плебеев с патрициями за гражданское и политическое равенство»⁷⁴, признает плебейское участие во втором децемвирате. При этом она небрежно обращается с информацией источников о составе обеих коллегий: не приводя список Диодора первой коллегии, утверждает, что он «в основном не расходится со списком Ливия»⁷⁵, хотя он отличается тем, что не включает имеющиеся у римского историка родовые имена Куриация, Генуция и Манлия, но содержит родовое имя Минуция (отсутствующее у Ливия), а также разницей личных имен Клавдия, Ветурия и Сульпиция, да еще отсутствием личного имени Ромилия и наличием двух прозвищ, не приводимых Ливием. В этом списке Диодора Н. В. Чеканова принимает в составе имени $\Sigma\lambda\omicron\rho\iota\omicron\varsigma$ $\text{Π}\sigma\tau\omicron\upsilon\mu\iota\omicron\varsigma$ $\text{Κ}\alpha\lambda\beta\acute{\iota}\nu\iota\omicron\varsigma$ когномен (все древние Постумии были Albinii, а греческое написание римских имен часто искажало их путем добавления букв) за некое родовое плебейское имя Кальвиний. Она относит

спорный момент о плебейском участии в первой коллегии к этому, по недоразумению появившемуся имени, а не к именам Генуция и Минуция, которые, собственно и составляют в историографии дискуссионный вопрос о плебейском представительстве. В воспроизведении перечня вторых децемвиров Н. В. Чеканова тоже делает некоторые погрешности⁷⁶. В плане характеристики основных черт децемвирата в анализируемой работе отметим, что Н. В. Чеканова придерживается тезиса о бесспорности полномочий децемвиров⁷⁷, но, тем не менее, противореча сама себе, правление второй коллегии сверх административного года считает узурпацией власти⁷⁸.

Специально останавливался на проблеме отстранения децемвиров от должности В. Н. Токмаков, подробно рассматривавший сюжет убийства Луция Сикция Дентата в 449 г. до н. э.⁷⁹ Соглашаясь с точкой зрения, что введение децемвирата было следствием борьбы плебеев за равные права и доступ к высшим магистратурам, и признавая плебейское происхождение Сикция, В. Н. Токмаков задавался вопросом о том, было ли выгодно децемвирам устранение влиятельного политического лидера. Ответ на этот вопрос он дал отрицательный, полагая, что Сикций, больше чем децемвиров, не устраивал сенат. Считая факт существования вторых децемвиров историчным и отмечая жестокость их правления, которая приводила к потере поддержки со стороны плебса, В. Н. Токмаков усмотрел все же основную оппозицию децемвирам в сенатской аристократии во главе с Валерием и Горацием. Именно в их интересах, по мнению В. Н. Токмакова, было устранение вождя плебса, убийством которого, к тому же, можно было скомпрометировать децемвиров. Главный вывод статьи сводится к тому, что свержение децемвиров произвела сенатская аристократия, возможно, в коалиции с частью плебейской верхушки; сецессия же плебейского войска произошла уже после отстранения децемвиров от власти в ответ на узурпацию ее сенатом⁸⁰. Таким образом, В. Н. Токмаков в своей трактовке событий падения децемвиров очень близок В. Зольтау, в первую очередь, в отрицании протеста плебейских масс против них. Соответственно, перекликается его изображение ситуации с картиной, рисуемой О. В. Сидорович. Немало общего в таком подходе и с точкой зрения Эд. Мейера, полагавшего, что второе удаление плебеев «было приведено в связь с совершенно второстепенным и лишенным исторической достоверности фактом падения децемвирата... самими позднейшими анналистами»⁸¹.

Итак, в публикациях 90-х гг. XX в. отечественных антиковедов затрагивались отдельные стороны изучения децемвирата, в целом же его история не получила скольнибудь подробного и разностороннего освещения. Интерес к ней проявлялся попутно с изучением других проблем, что неизбежно приводило к фрагментарности информации о децемвирате (к тому же не всегда корректно подаваемой). В зарубежной историографии наиболее заметные специальные труды по магистратуре децемвиров относятся к первой трети XX в.; в романистике последних десятилетий не предложено ее теоретической модели современного уровня, хотя отмечены слабые стороны ранее сформулированных концепций. Сказанным обуславливается насущность научной задачи максимально полного рассмотрения магистратуры децемвиров как органа римской исполнительной власти, ее исторической реконструкции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Niebuhr B. G. Römische Geschichte.* 3. Auf. Berlin, 1853.
2. *Becker W. A. Handbuch der Römischen Altertümer.* Bd. 2. Abt. 2. Leipzig, 1846.
3. *Пухта Г. Ф. История римского права.* Ч. 1. М., 1864.
4. *Christ K. Von Gibbon zu Rostovtzeff. Leben und Werk führender Althistoriker der Neuzeit.* 2. Auf. Darmstadt, 1979. S. 26.
5. *Mommsen Th. Die Römische Chronologie.* Berlin, 1859; *Idem. Römische Forschungen.* Bd. 1-2. Berlin, 1864-1879; *Idem. Römisches Staatsrecht.* Bd. 2. Leipzig, 1874; *Idem. Römisches Strafrecht.* Leipzig, 1899; *Idem. Abriss des römischen Staatsrechts.* Leipzig, 1893; *Моммзен Т. История Рима.* Т. 1. Спб., 1994.

6. *Heuß A.* Theodor Mommsen und das 19. Jahrhundert. Kiel, 1956. S. 49.
7. *Schwegler A.* Römische Geschichte. Bd. 3. Tübingen, 1858; *Lange L.* Römische Alterthümer. Bd. 1. Berlin, 1876.
8. *Madvig J. N.* Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. Bd. 1. Leipzig, 1881.
9. *Herzog E.* Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. Bd. 1. Leipzig, 1884.
10. *Karlowa O.* Römische Rechtsgeschichte. Leipzig, 1885.
11. *Герье В. И.* История Рима республиканского периода. Б. м., 1889.
12. *Ihne W.* Römische Geschichte. Leipzig, 1893.
13. *Нетушил И. В.* Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Вып. 1. Харьков, 1894.
14. *Pais E.* Histoire Romaine. Paris, 1926; *Beloch K. J.* Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege. Berlin und Leipzig, 1926.
15. *Hanell K.* Das altrömische Eponyme Amt. Lund, 1946.
16. *Fritz K.* The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity. New-York, 1954.
17. *Vogt J.* Römische Geschichte. 4. Auf. Basel-Freiburg-Wien, 1959.
18. *Kornemann E.* Römische Geschichte. 5. Auf. Stuttgart, 1961.
19. *De Martino F.* Storia della costituzione Romana. Napoli, 1958.
20. *Abbot F. F.* A history and description of Roman political institutions. 3. Ed. New York, 1963.
21. *Jones A. H. M.* A History of Rome through the fieth century. Vol. 1. The Republic. New York, 1968.
22. *Bleicken J.* Geschichte der römischen Republik. 4. Auf. München, 1992.
23. *Volkman H.* Grundzüge der Römischen Geschichte. Darmstadt, 1982.
24. *Bretone M.* Geschichte des römischen Rechts. Roma-Bari, 1987.
25. *Broughton T. R. S. /Patterson M. L.* The magistrates of the Roman Republic. Vol. 1. 1951; Scholars Press reprint, Vol. 1. 1986.
26. *Ogilvie R. M.* A Commentary on Livy. Books 1-5. Oxford, 1965.
27. *Mason H. J.* Greek Terms for Roman institutions. A Lexicon and Analysis. Hakkert Toronto, 1974. (American Studies in papyrology. Vol. 13.)
28. *Voigt M.* XII Tafeln. Leipzig, 1883.
29. *Lamber E.* La Qestion de l' authenticitedes XII Tables et les Annales Maximi. Paris, 1902.
30. *Watson A.* Rome of the XII Tables. Persons and Property. New Jersey, 1975.
31. *Siewert P.* Die angebliche Übernahme solonischer Gesetze in die Zwölftafeln. Ursprung und Ausgestaltung einer Legende //Chiron. Mitteilungen der Kommission Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts. 1978. Bd. 8. S. 331-359.
32. *Magdelain A.* Les XII Tables et le concept de ius //Zum römischen und neuzeitlichen Gesetzbegriff. Göttingen, 1987. P. 14-33.
33. *Crifo G.* La legge delle XII tavole. Osservazioni e problemi //Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Bd. 1. 2. Berlin-New-York, 1972. P. 115-133.
34. *Düll R.* Das Zwölftafelgesetz. Texte, Übersetzungen und Erläuterungen. München, 1953.
35. *Delz J.* Der griechische Einfluß auf die Zwölftafelgesetzgebung //Museum Helveticum. 1966. Vol. 23. Fasc. 2. S. 69-83.
36. *Ruschenbusch E.* Die Zwölftafeln und die römische Gesandtschaft nach Athen //Historia. 1963. Bd. 12. Heft 2. S. 250-253.
37. *Ciulei G.* Gab es einen Einfluß des griechischen Rechts in der Zwölftafeln? //Gesellschaft und Recht im griechisch-römischen Altertum. Teil II. Berlin, 1969. S. 21-46.
38. *Wieacker F.* Solon und die XII Tafeln //Studi in onore di E. Volterra. Milano, 1971. Vol. 3. P. 757-784.
39. *D' Ippolito F.* Le XII Tavole: il testo e la politica //Storia di Roma. Torino, 1988. Vol 1. P. 397-413.
40. *Никольский Б. В.* Система и текст XII таблиц. СПб., 1897.
41. *Pergament M. B. W. Nikolsky.* System und Text des Zwölftafelgesetzes. Eine Untersuchung aus der römischen Rechtsgeschichte. In russische Sprache erschienen bei A. Suworin. Petersburg, 1897. //Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. 1898. Bd. XIX. S. 374-383. Характеризуя сделанные Б. В. Никольским переводы фрагментов источников, автор реферата отметил, что вместо древнеримского дан древнерусский текст, так как переводчик исходил из того, что время децемвиров культурно-истори-

- чески стоит ближе ко времени «Правды» Ярослава, и язык XII таблиц состоит в большем родстве с языком древнерусских памятников права, чем с современным.
42. *Kübler. Decemviri legibus scribundis //Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft. Bd. IV. Stuttgart, 1901. S. 2257-2260.*
 43. *Soltau W. Der Dezemvirat in Sage und Geschichte //Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. 1917. Bd. 38. S. 1-20.*
 44. *Ibid. S. 17.*
 45. *Täubler E. Untersuchungen zur Geschichte des Dezemvirats und der Zwölftafeln. Berlin, 1921. — 142 s. (Historische Studien. Heft 148).*
 46. *Heuß A. Eugen Täubler Postumus //Heuß A. Gesammelte Schriften. Bd. 3. Stuttgart, 1995. S. 1918.*
 47. *Täubler E. Untersuchungen zur Geschichte des Dezemvirats... S. 53.*
 48. *Ibid. S. 18.*
 49. *Ibid. S. 20.*
 50. *Ibid. S. 111.*
 51. *Ibid. S. 108.*
 52. *Poma G. La valutazione del decemvirato nel de republica di Cicerone //Rivista storica dell' antichità. Bologna, 1976-77. V. 6/7. P. 129-146.*
 53. *Neumann K. J. Die hellenistische Staaten und die Römische Republik //Weltgeschichte. Die Entstehung der Menschheit in Staat und Gesellschaft, in Kultur und Geistesleben. Berlin, 1910. Bd. I. S. 378-379.*
 54. *Werner R. Der Beginn der römischen Republik. München-Wien, 1963.*
 55. *Heurgon J. The Rise of the Rome to 264 B. C. London, 1969.*
 56. *Ibid. P. 170.*
 57. *Ferenczy E. From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State. Budapest, 1976.*
 58. *Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar. Darmstadt, 1994.*
 59. *Cornell. T. J. The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 BC). London and New-York, 1995.*
 60. *Flach D. Die Gesetze... S. 105.*
 61. *Ibid.*
 62. См подробнее: *Дементьева В. В.* Рецензия на книгу: *Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar. In Zusammenarbeit mit Stefan von der Laehr. Darmstadt, 1994. //IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 215-220.*
 63. *Flach D. Die Gesetze... S. 108.*
 64. *Cornell. T. J. Op. cit. P. 273.*
 65. *Маяк И. Л. Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 28-29, 44-45, 60, 73.*
 66. *Кофанов Л. Л. Обязательственное право в архаическом Риме (VI-IV вв. до н.э.). М., 1994. С. 144-147; Он же. Законы XII таблиц и проблема *sodales* //Античность Европы. Пермь, 1992. С. 16-17; Он же. Характер коллегий и проблема неразделенной коллективной собственности *erctum non citum* в законах XII таблиц //Антиковедение и медиэвистика. Вып. 2. Ярославль, 2000. С.14.*
 67. *Он же.* Традиция с древнейших источниках по праву архаического Рима: легенда или реальность? //Проблемы исторического познания. Материалы междуна. конф. Москва, 19-21 мая 1996 г. М., 1999. С. 212.
 68. *Он же.* К вопросу о палингенезе законов XII таблиц //Законы XII таблиц (сост. и пер. Л. Л. Кофанова, отв. ред. В. И. Уколова). М., 1996. С. 175-210.
 69. См., например: *Ogilvie R. M. A Commentary on Livy. Books 1-5. Oxford, 1965. P. 412; Volkman H. Grundzüge der Römischen Geschichte. Darmstadt, 1982. S. 27.*
 70. *Сидорович. О. В.* Некоторые аспекты конституционного развития Рима ранней республики //Античность и современность. Докл. конф. М., 1991. С. 75-77; *Она же.* Теория смешанной конституции и развитие государственных институтов в раннереспубликанском Риме //IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 47-52.
 71. *Она же.* Теория смешанной конституции... С. 51.
 72. *Она же.* Некоторые аспекты... С. 76.
 73. *Чеканова Н. В.* Эволюция системы триумvirата в Риме при переходе от Республики к Империи. Учеб. пособие. Ярославль, 1992. С. 22-29.

74. Там же. С. 23.
 75. Там же. С. 25.
 76. Она почему-то транслитерирует родовое имя *Roetelius* как Петилий, а не Петелий, и неверно сокращает личное имя Маний (дает сокращение от имени Марк).
 77. Чеканова Н. В. Эволюция... С. 26.
 78. Там же. С. 28.
 79. Токмаков В. Н. Луций Сикций Дентат и падение децемвиров //Среда, личность, общество. Докл. конф., 1992. С. 162-168.
 80. Там же. С. 168.
 81. Мейер Эд. Римский плебс //Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб., 1899. С. 142.

V V Dementieva

THE ROMAN DECENVIRATE AS THE HIGHEST MAGISTRACY IN HISTORICAL RESEARCHES OF THE 19th–20th CENTURIES

The hypotheses, available in the scientific literature concerning to *decemviri consulari imperio legibus scribundis* as Roman highest magistracy in the middle of the V century B.C. are analysed. The concepts of the ordinary and extraordinary character of the Decemvirs post, and the interpretations of the law-making process are stated. The points of view of the researchers on the order structure of the colleges of Decemvirs and the theory of non-existence of the second college are considered. It is concluded, that there is no modern scientific theoretical model of the Decemvirate in the historical researches of the last decades.

В.В.ДЕМЕНТЬЕВА (Ярославль)

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ КОЛЛЕГИИ КОНСУЛЯРНЫХ ВОЕННЫХ ТРИБУНОВ

Вопрос о количестве мест в магистратуре *tribuni militum consulari potestate* традиционно привлекает внимание исследователей, поскольку они неизбежно должны объяснять, во-первых, представленную в источниках динамику численности этих должностных лиц, и, во-вторых, несовпадение сведений такого рода по отдельным годам. Отражение в источниковой базе данного количественного показателя не позволяет на эмпирическом уровне, без теоретического осмысления, численно охарактеризовать коллегии консулярных трибунов. Потребность в концептуальном обосновании численного ее состава для нас особенно важна, поскольку количественная характеристика проливает дополнительный свет на существенные черты магистратуры.

Информация о количестве лиц, избранных военными трибунами с консульской властью на тот или иной год, содержится, главным образом, у Тита Ливия, Диодора Сицилийского и в консульских фастах. Дополняют информационную картину сведения Дионисия Галикарнасского, Плутарха в биографии Камилла, Помпония в Дигестах, слова императора Клавдия в сенате, а также сообщения, сохраненные Иоанном Зонарой. При этом мы должны сразу оговориться, что в данном случае, гораздо более чем во многих других, ощутимо воздействие одного немаловажного обстоятельства, — опубликованные тексты античных авторов, которыми мы пользуемся, есть результат прочтения поздних списков, имеющих свои палеографические особен-

